

в сторону «живописной» манеры». Это дает возможность в будущем проникновению все в большей степени западных гл. обр. итальянских влияний. Создавшаяся «греко-итальянская» школа живописи в последующие века получит на Балканах преобладающее значение.

Исключительной важности центром поздне-византийского искусства для XIV-XVII в.в. является Афон. И в этой области появившаяся только в свет публикация известного французского византиста G. Millet — несомненно большой вклад в сокровищницу науки. Вышедший пока только атлас с большим количеством таблиц позволяет систематически ознакомиться с живописным материалом Святой Горы. А материал этот громаден. Несмотря на то, что текст этого издания еще не вышел, некоторые изменения в представлениях об афонской живописи оно вносит. Так новостью является датировка известных фресок Панегеллина в Протате — XIV веком. Исторические данные говорят за то, что последний жил в XVI веке, традиция приписывает именно ему фрески Протата. Однако стиль их и многочисленные аналогии с памятниками XIV в. позволяют поверить в правдоподобность предположения G. Millet, считающего, что в XVI в. фрески были слегка поновлены, при чем это поновление не изменило ни общего характера, ни тем более иконографии живописи XIV в. Другое изменение внесено в общепринятое представление о дате фресок Георгиевского параклиса монастыря Св. Павла, приписываемых Андронику Византийцу и датировемых 1423 г. Millet относит их к 1555 г. и считает фрески работой мастеров критской школы, писавших на Афоне в 30-х — 60-х годах XVI в. Аналогии между т.н. живописью Андроника Византийца и работами критян отмечались уже давно (между прочим Н.П.Кондаковым), однако насколько обосновано приписывать роспись критянам, сказать трудно, не зная аргументации Millet. Приходится ждать его текста.

Этим мы и закончим наши заметки о новых данных в изучении византийского искусства, по необходимости носящие беглый характер. Мы намеренно обходили вопросы касающиеся иконописи вообще, в частности, гл. обр. иконописи русской, а также русской фресковой живописи, надеясь в свое время коснуться этих вопросов в специальной заметке, которая явится продолжением настоящей.

Н. Беляев,

ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКА.

Едва ли не самой характерной чертой евразийства, как активного движения, стремящегося со всем напряжением реализовать себя в конкретной действительности, является его обращенность к актуальнейшим задачам и запросам завтрашнего дня. А это в свою очередь возможно лишь при предельной чуткости к действительности, осуществимо лишь в том случае, когда прощупывается пульс жизни и — прежде всего — жизни СССР, ибо для наших конкретных построений это в сущности и есть отправная точка. Не мечта и настроение, а именно — реальность. Что это бесконечно трудно и во всяком случае труднее, чем переругивание в эмигрантских газетах и политиканские споры о программах поправках и группировках, — об этом вряд ли нужно говорить. В условиях доктринерски слепой коммунистической диктатуры лишь подлинно жизнеспособное может как то пульсировать и утверждать себя в жизни вопреки воле тиранического режима. И как бы ни был слаб пульс, он все же знак и свидетель жизни.

Вот эту чуткость к подлинно жизнеспособному там, чуткость к возможностям мы с удовлетворением отмечаем в ряде недавно выпущенных евразийским издательством работ. В этих работах от общих принципиальных установок и обоснований евразийства мы переходим к решению отдельных конкретных заданий, но характерна самая постановка вопроса: напр., «Советский строй и его политические возможности» — так озаглавил свою книгу по вопросу государственно-политического строительства проф. Н. Н. Алексеев. Уже в самой формулировке темы указана исходная точка его конкретных построений.... Словом, чуткость к действительности и выход в суждениях от нее.

Не меньшую чуткость к пульсу жизни современной России-Евразии мы встречаем в сборнике Гн. Н. С. Трубецкого — «К проблеме русского самопознания», особенно в его статье о русском языке («Общеславянский элемент в русской культуре»). Необходимо отметить, что языковой вопрос, или вопрос языковой политики ввиду совершенно исключительных условий внутренне национальных отношений в С.С.С.Р. является едва ли не самым острым вопросом в проблеме будущей России-Евразии и снять его просто с очереди ни теперь, ни потом не представляется возможным, да об этом, насколько известно, никто из евразийцев и не думает, если мы рассматриваем каждую из входящих в состав России-Евразии народностей, как индивидуацию единой, наднациональной евразийской культуры. Следовательно нужно как то по иному, чем раньше, подойти к этому вопросу, определить взаимоотношение языков, и как главнейших факторов всякой культуры, а прежде всего дать себе ясное представление, что такое русский литературный язык, о котором мы в сущности ничего не знали, кроме того, что он — «великий, могучий, правдивый и свободный», а это в

языковой политике еще далеко не все. И нужно сказать, что в русской лингвистической науке мы не имеем ни одного труда, который так просто и так всесторонне освещал бы постепенный процесс выработки русского литературного языка, его существа, как продолжателя церковно-славянской кирилло-мефодиевской традиции и его взаимоотношения с яз. украинским. Вместе с тем это не есть чисто научная работа, идея которой случайно родилась в процессе лингвистических исследований, которыми Кн. Н. С. Т. непрерывно занят: это своевременный ответ на запрос завтрашнего дня. Достаточно познакомиться хотя бы немного с лингвистической литературой С. С. С. Р., чтобы убедиться в актуальности выдвинутого Кн. Н. С. Т. вопроса. Его статья вышла в начале 1927 г. В то же время вышел в Ленинграде очередной № научного лингвистического журнала «Русская Речь» (из серии сборников, издаваемых отделом словесных искусств Г. И. И. И. «Akademia» под ред. Проф. Щерба), в котором редакция открывает новый специальный отдел — «Как складывался русский литературный язык». В предисловии к этому отделу отмечается, что «вопрос о происхождении русского литературного языка является одним из актуальных в русской филологии».

Печатаемые в этом сборнике статья и освещают отдельные стороны вопроса. Так Обнорский напечатал в том же номере статью — «К истории словообразования в р. лит. яз.», а В. Виноградов — «К истории лексики в русск. лит. яз.». Очень интересные статьи касаются однако малых частей вопроса: первый рассматривает суффиксы абстрактных имен (напр. добр - о т а, син - ь, дешев - и з н а и т. п.) указывая, что большая часть таких суффиксов — церковно-славянские по происхождению; второй — тот же церковно-славянский элемент устанавливает в словарном составе русского языка. И та, и другая имеют в виду гл. обр. филолога-специалиста и не дают общей картины, какую находим у Кн. Н. С. Трубецкого.

В дореволюционной русской средней школе распределение занятий по родному языку было таково, что изучение языка оканчивалось в 4 классе. Уже это само по себе предопределяло судьбу и результат изучения: нельзя было ребенку дать научное представление о родном языке, этом важнейшем средстве его будущей жизни, и самое большее, чего достигали, это выучивали грамотно писать. Этого действительно достигали, но часто ценой очень дорогой: большинство безнадежно «русский язык», под которым понимало знание «правил» с многочисленными «исключениями», диктанты и пр. Часто и теперь уже взрослые и осведомленные люди отвечают, что учили грамматику для того, «чтобы грамотно писать». Но из личного опыта каждому очень хорошо известно, что пишет он, не руководствуясь правилами, а часто их и просто не знает. И тем не менее пишет грамотно. Словом — одно грамматика, которая может быть предметом самостоятельного изучения, как всякий другой предмет, а другое — правила правописания, знание орфографии... Эти вопросы поставлены на очередь в научно-педагогической литературе, и мы имеем о них целый ряд очень интересных и ценных работ, появившихся в России за последние годы. Таковы, напр., работы Пешковского — «Сборник лингвистических статей», 1926 г., в котором этот большой знаток постановки русского языка в средней школе, различая «уменье грамотно писать» и «знание грамматики», предостерегает от излишнего увлечения некоторыми, будто в средней школе и совсем не нужно проходить «грамматику», если школьная грамматика лишь слабый суррогат научной, а для жизни достаточно просто «уменье грамотно писать». Пешковский защищает прохождения грамматики в средней школе, но и распределение занятий необходимо пересмотреть и учебники соответственно переработать, чтобы не было противоречия между грамматикой научной и школьной. Тогда в младших классах можно действительно ограничиться только практическим освоением языка, да усвоением навыков правописания и лишь в старшем, м. б. последнем, классе, предложить учащемуся научно построенную и ему доступную грамматику родного языка... Ряд работ Пешковского посвящен вопросу о взаимоотношении грамматики — школьной и научной. Таковы: «Объективная и нормативная — точка зрения на язык». Сб. «Русский яз. в школе» 1923. в. I. «Школьная и научная грамматика» и др.

Уже давно лучшими русскими лингвистами поднят был вопрос о несоответствии школьных грамматик с научными выводами лингвистики. И только в последние годы этот вопрос стал вопросом школьной практики: свежее дыхание чувствуется в новых руководствах. При том развале и разгроме школы, который произвели коммунисты-большевики, «ликвидирующее» безграмотность, все эти здоровые мысли и идеи, конечно, не могут быть осуществлены... Это тоже живые побег, пробивающиеся сквозь коммунистическую мерзость и запустение.

В науке о языке существуют различные методы его изучения. Можно изучать историю языка, следить за постепенным развитием и видоизменением его звуков, грамматических форм, словосочетаний — это будет исторический метод изучения языка. Но понятно, что для такого изучения необходимы языковые документы, памятники языка, потому, отправной точкой изучения может быть только время появления первых памятников, письменных свидетельств о языке. Для языка русского это будет — 11-е столетие, от которого дошли до нас наши древнейшие памятники (Остромирово Евангелие 1056 г., Изборники Святославовы 1073 и 1076 г.г. и некот. др.). Проникнуть в судьбы языка лежащие за пределами памятников с одним историческим методом невозможно. Поэтому применяется метод сравнительный, т. е. сопоставляются факты данного языка с фактами ближайше родственных языков. Для языка русского — с фактами остальных языков славянских, отбрасывая особенности отдельных языков, сближая их общее, можно восстановить тот основной язык, праславянский, из которого путем диалектического дробления развились отдельные славянские языки. Таким путем мы получаем сведения о жизни языка в до-историческую

его эпоху, следим за его судьбой до появления письменных памятников. Идя в сопоставлениях дальше, можно затем факты праславянского языка сравнивать с данными таким же способом восстановленных языков прагерманского, прароманского и т. д. — и подойти к индо-европейскому праязыку — общему родоначальнику языков почти всех европейских, славянских, индийских и иранских. Такой язык с его системой звуков, форм и синтаксиса действительно был восстановлен наукой настолько, что, напр., известный лингвист первой половины XIX в. Шлейхер писал басни на индо-европейском праязыке. Соединение этих двух методов приводит к сравнительно-историческому методу, которому наука о языке обязана восстановлением исторической эволюции лингвистических форм.

Однако язык является не только объектом всестороннего научного исследования, но и средством социального общения и в этом смысле — важнейшим фактором всякой человеческой культуры, наиболее ярким выразителем и определителем культурного лица того или иного народа. Если так смотреть на язык, то при изучении его прежде всего интересен не исторический процесс его развития, а сам язык в данном отрезке времени, соотношение отдельных сторон языка (звуков, форм, синтаксиса) и их частностей между собой в данное время, т. е. — иными словами — необходимо изучение его синхроническое, статическое, а не эволюционное, при чем не столько в данном случае имеет значение изучение отдельных звуков и форм и их соотношение в рамках языковой системы, сколько изучение тех значений, носителями которых эти звуки и формы являются, изучение смысловой стороны речи. В силу этой смысловой стороны своей, язык только и может быть фактором социальным, иметь социальную значимость. Точка зрения эта впервые была развита известным швейцарским лингвистом Де-Соссюром, нашим современником. Пользование языком в целях социально-коммуникативных допускает возможность постановки вопроса о рационализации пользования языковыми средствами, т. е. о сознательном пользовании этими средствами в зависимости от цели, которую говорение преследует, и социальной обстановки, в которой оно происходит. Ведь каждому из личного опыта хорошо известно, что он иначе строит свою речь, когда говорит с приятелем, иначе с малознакомым лицом или иначе с начальством, иначе с хозяином. И слова выбираются иные, и соединение их иное в каждом из упомянутых случаев. То же и в случаях письменного изложения своей речи: одно написать приятелю, родителям, другое — письмо к владельцу предприятия о предоставлении работы и т. д. Горе тому, кто вещи эти путает, и как много успевают человек, умеющий своевременно вставить подходящее слово! Словом, каждый по своему, в меру умения пользуется средствами родного языка в зависимости от цели, которую преследует, и социальной обстановки, в которой находится. Но можно умение повысить в продуктивности, превратить в знание или по крайней мере усилить знанием. Это и будет рационализация, о которой говорено выше... Таким образом выдвигается проблема рациональной организации речевой социальной деятельности, которую Г. Винокур называет «проблемой культуры языка». Его очень интересная книга «Культура языка», Москва, 1924 освещает изложенные выше вопросы, которые представляют интерес, конечно, не только для специалиста-лингвиста, но для каждого культурного человека, так как на деле всякий человек занят языком, и проблема культуры языка является одной из основных проблем культуры вообще. Г. Винокур т. о. приходит к мысли об утилитарном использовании научно-лингвистических достижений, к мысли о своеобразной технологии языка. В этой плоскости наука о языке уже сопрягается с широкими слоями общества, интересы языковедения и общества взаимно проникают.

Развивая свои мысли о прикладном языкознании, Г. Винокур дает ряд очерков, объединенных в трех отделах: язык быта, язык прессы и, наконец, третий отдел посвящает рассмотрению вопроса о стилистическом и культурно-лингвистическом значении искусства слова. В очерке первого отдела «О пуризме» В. касается очень живого вопроса современного русского языка, — вопроса о неологизмах, хлынувших широким потоком в эпоху революционную. Он определяет пуризм, в его исторических примерах, как настроение; человеку «не нравится», «неприятно» говорить «по новому». «База пуризма — говорит Винокур — это всегда или косность, упрямство традиции, или — к сожалению, чаще всего — политика». Пуризм В. принимает лишь в одном смысле — поднятие общей лингвистической культуры на основе вдумчивого, строго научного знания языка. — Интересен очерк «Язык непа» с его бесконечными сокращениями телеграфного типа. В лингвистическом отношении период «непа» В. определяет, как время «осознания говорящим коллективом языковых процессов, начавшихся в русском языке с войной и революцией». Под осознанием В. понимает некоторое упорядочение того, что имело место и раньше, т. е. в период военного коммунизма, когда все должно было переименовываться по революционному: как невыносимый «министр» должен был быть заменен «комиссаром», так «дипломатический курьер» должен был превратиться в «дишкура». Увлечение таким революционизированием привело к гипертрофии сокращений, и в период «непа» наметилось стремление как то упорядочить эти сокращения, произошло некоторое осознание революционных лингвистических процессов. Так слово «неп», появившееся на свет в каком то фельетоне, описывавшем разгул обрадованных торговцев, вскоре приобрело этически-эмоциональный оттенок: в № 36 «Экономической жизни» 1921 г. пишется — «вдохновители новой экономики», не «вдохновители непа», — потому что «вдохновители непа» были бы «нанманы», т. е. совсем не то, что имеет ввиду официальный орган. Этот — выбор между «вдохновители непа» и «вдохновители новой экономики» — не совсем безразличный в условиях коммунистического режима — говорит о необходи-

мости для говорящего выбирать, делать какие то стилистические усилия в рамках бытового разговорного языка, это — сознательное использование языковых средств, усилие по пути культуры языка. — В 3-м очерке — «Один из вопросов языковой политики» — Винокур касается темы, практический интерес которой определяется революционными условиями места и времени: дело идет о революционных лозунгах, революционной фразеологии, которые сыграли такую роковую — с нашей точки зрения — роль в распространении и успехах коммунистической пропаганды. Правда, часть из этих лозунгов сложилась в кругах «политически грамотного» подполья, но вынесенные наружу, став достоянием социальным, зазвучали эти лозунги по иному — «сочно, напористо, убедительно» и... привели к Октябрю. «Долой войну!» «Религия — опиум для народа!» «Мир хижинам — война дворцам!» и т. д. и т. д., — они били в уши своей резкостью, красная пресса на них смотрела, как на основные, «узловые», формулы, их развивала в статьях, разъясняла... С точки зрения социальной обстановки и цели высказывания языковые средства использованы были отлично. Но прошло несколько лет, обстановка несколько изменилась, ухо и глаз привыкли к словесным формулам, и лозунги потеряли для массы свою «разительность и напорность», превратились в штампы, из которых вынут смысл, и — «Долой империализм!» «Наступление капитала!» и пр. и пр. зазвучали по иному: бессмысленно и скучно... Это заметили и вожди красной прессы, и сам Троцкий, который заявил как то, что «молодежь, выросшая в атмосфере лозунгов, призывов, плакатов, рискует перестать реагировать на них». В таком положении технология языка может выполнять цель политическую; нужно освежить революционную фразеологию, сделать ее через выбор соответствующих языковых средств действенной. Горю может помочь, по мнению автора, поэзия, как квалифицированная стилистическая форма, высоко развитая речевая техника, напр., слитки Маяковского:

Отгородимся от бурь словесных молотом,
К делу!
Работа жива и нова.
А праздных ораторов —
На мельницу!
К мукомолам!
Водой речей вертеть жернова...

Или: Шагайте, да так, комсомольцы,
Чтоб у неба звенело в ухе!

Речь идет не о том, чтобы поэзия давала эти лозунги, но чтобы она своей высокой стилистической техникой давала примеры, образцы речевой техники быта. Мысль о том, что писание стихов обрабатывает слог, высказывал Толстой (Б. Эйхенбаум: «Молодой Толстой» 1922, стр. 33) и И. В. Киреевский (пол. собр. соч. 1911, т. I. стр. 12). О культурно-лингвистическом значении поэтического творчества Винокур еще раз говорит в очерке — «Поэзия и практическая стилистика». В отделе очерков «Язык прессы» Винокур приводит ряд интересных положений, иллюстрирующих его основную мысль о целесообразном использовании языковых средств, в данном случае о стиле, определяемом самой сущностью и назначением газеты. Необходимость, особенно в газетных сообщениях, в наименьшем количестве строк достигнуть максимальной насыщенности фактической ведет в газетном стиле к сознательной установке на средства выражения. В газетной речи задача выбора соответствующих грамматических форм существование выбора словарного материала: нужно выбирать наиболее вместительную синтаксическую конструкцию.

Отсюда обилие в телеграммах придаточных предложений, отсюда всякие: «по сообщению из авторитетного источника...», «в официальных кругах заявляют...», «по словам»..., «как заявил» и пр. и пр. Как пример синтаксической напряженности газетного сообщения Винокур, приводит телеграмму: «Полномочный представитель Р.С.Ф.С.Р. в Китае тов. Иоффе вручил китайскому министерству иностранных дел ответную ноту на запрос последнего, правильно ли газетное сообщение, будто дальневосточный ревком распространяет свою власть и на восточно-китайскую железную дорогу, против чего китайское правительство заявило протест». Если бы эту телеграмму передать обычным разговорным языком, пришлось бы развивать целое повествование, так как всего количества сообщаемых в ней фактов не вместить в одну фразу без большого синтаксического напряжения. А это в свою очередь делает газетную речь порой трудной для мало подготовленного читателя. Поэтому все пожелания писать газету и «попнятней и проще» не осуществимы без ущерба для ее фактической насыщенности при малом сравнительно количестве страниц. — При всем этом возникает необходимость специальной подготовки газетных работников. Два очерка посвящены этому вопросу («Корреспондентский кружок», «Работа над газетой»). — В очерке «Язык типографии» Винокур занимается проблемой зрительного, графического языка, отличного от языка звукового, так как графика, знаки звуков (буквы) могут не только обозначать самый звук, но иногда быть и также носителями самого смысла слова. Это легко понять на примере написания слова м и р по старой орфографии: м і р «вселенная» и м и р «тишина». Здесь буква и в двух своих разновидностях является носителем двойного смысла слова, она дифференцирует значение. В печатном деле свои смысловые функции имеют формы типографского шрифта (напечатанное курсивом оттеняет смысл и значение написанного, все, набранное шрифтом, отличным от основного набора, выделяется по своему смысловому значению из контекста: таковы слова и отрезки, печатанные

разрядной; в рукописи это достигается разнообразным подчеркиванием). — В очерке последнего отдела «Пушкин-прозаик» Винокур подчеркивает значение писем Пушкина для правильного уяснения, как обиходный разговорный язык, язык быта, превратился под пером Пушкина в язык литературный; какая при этом была проделана Пушкиным культурная работа над словом, в которой ярко отразилась величественная простота гения нашего поэта. — Небольшой очерк «Речевая практика футуристов» и в виде приложения — «Культура чтения» заканчивают очень ценную книгу Винокура. — Сам автор предупреждает, что его работа — не диссертация и не исследование, а лишь ряд очерков, связанных одной основной идеей о том, что общее культурное развитие не мыслимо в отрыве от развития и совершенствования культуры лингвистической в том понимании ее, как было указано. Поднятием культуры языка вообще постараны будут на свое место те нововведения, что вошли в русский язык за последнее время: запрещением или мерами обычно понимаемого пуризма с ними не справиться. Да и для того, чтобы говорить о них за или против, нужно, повидимому и тому, кто говорит, взглянуть на вопрос культуры языка серьезнее, чем позволяет то знание школьной грамматики.

Революция и связанные с ней события последнего десятилетия произвели колоссальные сдвиги в социальном строе России-Евразии и выдвинули к активной роли в государственной жизни людей, слабо приобщенных и вовсе не приобщенных к духовной культуре. Отсюда возникает потребность приобщения к начаткам культуры новых, более широких масс, потребность, определяемая не одним гуманным, добрым желанием людей умственного труда поднять просвещение, а простой необходимостью как то справляться с задачами государственного строительства и управления. Иной вопрос, насколько и как это выполняется, но проблема приобщения к культуре широких масс революцией остро поставлена.*) И здесь вопросы языка приобретают принципиально общественное значение.

А время требует в этой области иного, чем прежде: более прикладного, утилитарного знания, построенного на основах новейших научных достижений. Отсюда практический уклон большинства работ по языку, появившихся в С.С.С.Р. Если это какие-нибудь диалектологические работы, так связаны они с краеведением; если это работы по литературному языку, так или о «технологии языка» или о стилистике; если это труды по грамматике, то в целях использования для школы и т. д. Нельзя, конечно, думать, что нет совсем и чисто-научных работ: есть и не мало. Печатаются они и в Известиях Академии Наук (Всесоюзной в Ленинграде и Украинской в Киеве), и в научных журналах, как, напр., «Язык и Литература», и в печатных трудах университетских. Однако более характерны для времени работы первого типа.

В заключение я позволю себе посоветовать нашим друзьям познакомиться более подробно с книгой Винокура хотя бы для того, чтобы с должной серьезностью отнестись к оружию, которое приобрело такое огромное, иногда решающее значение в событиях последних лет.

Л. Копецкий.

Прага, IX. 27.

*) Это приобщение мы понимаем в духе статьи Кн. Н. С. Трубецкого — «Низы и верхи русской культуры».